

РЕЧИ ИОСИФА СТАЛИНА КАК ПРИМЕР РЕАЛИЗАЦИИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ЧУЖДОСТИ В ПУБЛИЦИСТИКЕ ВОЕННЫХ ЛЕТ

Ю.А. Рамазанова

Аспирант кафедры русского языка и литературы

e-mail: yuliya.ramazanova.lip@mail.ru

*Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского*

Статья посвящена ораторскому искусству И.В. Сталина. Материалом для исследования послужили обращения вождя к советскому народу в годы Великой Отечественной войны, приказы Верховного Главнокомандующего. Их анализ на предмет выявления примеров реализации семантической категории чуждости позволил получить представление о значимости содержания этих речей, об их языке и стиле, о логической организации, о средствах и приемах волеизъявления оратора. Также сделан вывод о том, что речи политика обладают яркой образностью и большой манипулятивной силой. Это достигается за счет использования различных лексических средств, в том числе и путем экспликации бинарной оппозиции «свой – чужой».

Ключевые слова: *семантическая категория чуждости, публицистика, оппозиция, манипулятивный, речевые средства.*

Сфера политики во все времена играла важную роль в жизни отдельного человека и общества в целом. Политические деятели в своих публичных выступлениях и высказываниях всегда стремились донести важную информацию до широких масс. Не случайно, по мнению многих исследователей, главной целью политического дискурса является применение его в роли инструмента политической власти. Это означает, что с помощью языка политические деятели способны манипулировать сознанием широких масс.

В этом смысле особенно интересными и показательными, на наш взгляд, являются речи Генерального секретаря ЦК ВКП(б) Иосифа Виссарионовича Сталина. Изучением его риторического наследия занимались многие исследователи. Большинство из них ограничивались лишь общей характеристикой стиля основных выступлений и статей политика, делали упор на единые принципы построения сталинских текстов, но не вдавались в частности. Научная новизна этого исследования заключается в том, что нами впервые предпринята

попытка изучения данного материала в качестве примера реализации бинарной оппозиции «свой – чужой», которая характерна для основных исторических типов мировоззрения и является ключевой в понимании культуры в целом.

Ни для кого не секрет, что политическая деятельность Сталина во все времена получала неоднозначные отзывы. Нередко прямо противоположными были и оценки сталинского стиля аргументации. И если соратники, коллеги Сталина (А.А. Громыко, А.М. Василевский, Г.К. Жуков, В.М. Молотов) в своих воспоминаниях часто подчеркивали ясность и точность мысли вождя, то современные исследователи (Г.Г. Хазагеров, М.Я. Вайскопф, А.Н. Окара) нередко обвиняют его в склонности к тавтологии и «вязкости мысли». К примеру, А.А. Громыко вспоминал: «Что бросалось в глаза при первом взгляде на Сталина? Где бы ни доводилось его видеть, прежде всего ясно обращало на себя внимание, что он человек мысли. Я никогда не замечал, чтобы сказанное им не выражало его определенного отношения к обсуждаемому вопросу. Вводных слов, длинных предложений или ничего не выражающих заявлений он не любил. <...> Речам Сталина была присуща своеобразная манера. Он брал точностью в формулировании мыслей и, главное, нестандартностью мышления» [цит. по: Лобанов 2002: 528–529]. По мнению Г.К. Жукова, Сталин «был лаконичен, формулировал мысли ясно» [цит. по: Лобанов 2002: 539]. Однако израильский ученый М. Вайскопф аргументацию Сталина в своем исследовании характеризует так: «Его аргументация <...> строится на более или менее скрытых тавтологиях, на эффекте одуряющего вдальблывания» [Вайскопф 2002: 38]. Полностью согласен с этим мнением и Г.Г. Хазагеров: «Выстроенные в духе амплифицирующей композиции, вязко возвращающиеся к одному и тому же предмету, полные повторов и плеоназмов, его речи очень мало напоминают ключие речи Ленина» [Хазагеров 2002: 195]. На ограниченность лексического состава выступлений И.В. Сталина и обилие повторов обращают внимание и такие исследователи, как А.П. Романенко [Романенко 2018: 132–133] и А.К. Михальская [Михальская 1996: 98–99].

И все-таки нельзя отрицать тот факт, что даже самые резкие критики сталинской риторики отмечали невероятную способность этого государственного деятеля воздействовать на массы, его умение подбирать правильные слова. А это всегда восхищало людей, побуждало их на новые подвиги и большие свершения.

Стоит отметить также, что расцвет ораторского мастерства этого политика представляют собой речи, приказы военного времени.

Поэтому, на наш взгляд, является актуальным обращение именно к данному материалу. Проанализировав его, мы сможем не только понять специфику конкретно его политического дискурса, но и сконцентрировать свое внимание на основных способах реализации высокой степени манипулятивного воздействия в выступлениях Сталина. Забегая вперед, отметим, что этот эффект достигается, в том числе, и с помощью средств выражения семантической категории чуждости.

Человеку во все времена было свойственно делить окружающий мир на «своих» и «чужих». При этом вполне логично, что в первую группу в русской культуре принято включать все «привычное», «понятное», «близкое», «родное», а ко второй соответственно относить нечто «незнакомое», «непохожее», «другое», «чуждое» нашему менталитету.

Обе эти составляющие всегда противостоят друг другу, затрагивая при этом все самые важные сферы человеческой жизни. Не случайно в русской языковой картине мира непримиримый конфликт «своего и чужого» является одним из ключевых.

По наблюдению исследователей, «фундаментальный характер “свойственности – чуждости” как отражение онтологической бинарности мироустройства обуславливает широкую репрезентативность выделяемого образования. <...> В группе дискурсов, раскрывающих социологизированную сущность “свойственности – чуждости”, особое место занимает политический дискурс, возводящий “свойственность – чуждость” в ранг социально-политических отношений» [Кишина 2009: 47].

Проанализируем речи Сталина, относящиеся к политическому дискурсу, обращенные к советскому народу в годы Великой Отечественной войны, и определим главные коммуникативные стратегии и тактики этого оратора. Но, в первую очередь, обратим внимание на то, что обозначенная нами оппозиция реализуется здесь по-разному, в том числе основывается на противопоставлении по разным критериям: территориальному (*Советский Союз / Германия / Европа / Америка / Азия*), национальному (*русское / немецкое*), правовому (*собственное / принадлежащее чужим, государственное / народное, общественное*), нравственному (*друзья / враги, храбрость, отвага / трусость*) и религиозно-философскому (*жизнь / смерть, вера / неверие*), – с помощью слов, принадлежащих к различным частям речи (существительным, прилагательным, местоимениям, наречиям).

Говоря о специфике языковых средств, характерных для политического дискурса Сталина, прежде всего следует отметить те,

посредством которых реализуется коммуникативная тактика единения. Так, использование личных местоимений *я* и *они* встречается реже, чем *мы*. А для формирования определенного эмоционального настроения адресата оратор зачастую использует оценочную лексику, характеризующую «свой» и «чужой» мир:

1) слова и словосочетания с положительной коннотацией: *героический, миролюбивая страна, успех, победа, наши доблестные войска, победоносное наступление* и др.

2) слова и словосочетания с отрицательной коннотацией: *людоеды, кровавый агрессор, фашистские изверги, угнетатели, вражеская нечисть, гитлеровские разбойники, немецко-фашистские разбойники, немецко-фашистское иго* и др.

Активное использование слов в переносном, метафорическом значении, что также способствует более высокой степени воздействия на сознание адресата, – еще один яркий пример реализации семантической категории чуждости в текстах Сталина военных лет. В их числе, например, «стертые» метафоры (*«армия будет рассеяна», «принцип равноправия и независимости растоптан»*), а также фразеологические обороты (*«сорвать маску с врага», «вооруженный до зубов», «драться до последней капли крови»*). Стоит обратить внимание и на специфику построения политиком собственного выступления, в частности использование в публичных речах принципа синтаксического параллелизма и анафоры. Ярким примером здесь может стать употребление в качестве единого начала личного местоимения *мы*: *«Мы должны организовать всестороннюю помощь Красной Армии, обеспечить усиленное пополнение ее рядов, обеспечить ее снабжение всем необходимым, организовать быстрое продвижение транспортов с войсками и военными грузами, широкую помощь раненым.*

Мы должны укрепить тыл Красной Армии, подчинив интересам этого дела всю свою работу, обеспечить усиленную работу всех предприятий, производить больше винтовок, пулеметов, орудий, патронов, снарядов, самолетов, организовать охрану заводов, электростанций, телефонной и телеграфной связи, наладить местную противовоздушную оборону.

Мы должны организовать беспощадную борьбу со всякими дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами, распространителями слухов, уничтожать шпионов, диверсантов, вражеских парашютистов, оказывая во всем этом быстрое содействие нашим истребительным батальонам» («Выступление по радио 3 июля 1941 года») [Сталин 1997: 59–60].

Наличие сознательных повторов нередко усиливает воздействие на сознание адресата. См., например, повторы слов и словосочетаний в следующем фрагменте из речи Сталина, произнесенной им на Красной площади 7 ноября 1941 г. в честь 24-й годовщины Октябрьской революции: *«Мы потеряли временно ряд областей, враг очутился у ворот Ленинграда и Москвы. Враг рассчитывал на то, что после первого же удара наша армия будет рассеяна, наша страна будет поставлена на колени. Но враг жестоко просчитался. Несмотря на временные неуспехи, наша армия и наш флот героически отбивают атаки врага на протяжении всего фронта, нанося ему тяжелый урон, а наша страна – вся наша страна – организовалась в единый лагерь, чтобы вместе с нашей армией и нашим флотом осуществить разгром немецких захватчиков»* («Речь на Красной площади 7 ноября 1941 года») [Сталин 1997: 84]. «Чужому, вражескому» миру (средства репрезентации многократно повторяющаяся лексема *враг*, а также словосочетание *немецкие захватчики*), нарушившему мирную жизнь нашей страны, противопоставляется «наш» мир (репрезентанты – многократно повторяющиеся словосочетания с притяжательным местоимением *наш*: *наша страна, наша армия, наш флот*).

Сталин до конца надеялся, что войны удастся избежать. Вождь полагал, что войны желает не Гитлер, а германский генералитет. Поэтому, когда она началась, страшная и беспощадная по всему гигантскому фронту от Баренцева до Черного моря, Сталин был полностью растерян. И к советскому народу впервые с начала Великой Отечественной войны он обращается не сразу, а лишь 3 июля 1941 года.

В своем «Выступлении по радио 3 июля 1941 года» вождь позволил себе только одно, хотя психологически и очень важное, нововведение – знаменитое христианское обращение «братья и сестры» [Сталин 1997: 56]. Его Иосиф Виссарионович выбрал не случайно. Направляя в массы призыв о помощи, напоминая о необходимости мобилизовать население Советского Союза на защиту своей Родины, он знал, что сердце русского человека, как верующего, так и атеиста, обязательно откликнется на эти слова, которые стали своеобразным свидетельством его близости к народу, сострадания к его бедам. Верховный Главнокомандующий не ошибся: в знак благодарности люди готовы были терпеть новые жертвы и лишения, совершать великие подвиги. Это был достаточно грамотный и умелый риторический ход, характеризующий генсека как талантливого оратора и прекрасного психолога.

«*Братия и сестры*», первоначально являясь церковным обращением «священника к пастве» [Балакай 2001: 64], в речи Сталина

немного видоизменяет форму («*Братья и сестры*») и употребляется как высокое риторическое «обращение к согражданам» [Балакай 2001: 64], о чем свидетельствуют пометы *Высок., риторич.* в «Словаре русского речевого этикета» А.Г. Балакая. Показательно, что примером употребления последнего обращения в этом словаре является фрагмент из указанного выступления Сталина.

К этому же обращению вождь прибегал и в последующие годы. Оно, например, дважды используется в «Приказе Верховного Главнокомандующего 1 мая 1944 года № 70», но дополняется однородными обособленными распространенными определениями: «*Братья и сестры, временно подпавшие под иго немецких угнетателей и насильственно угнанные на фашистскую каторгу в Германию!*» [Сталин 1997: 185]. Не случайно Г.Г. Хазагеров отмечал, что «риторика Сталина восходит к торжественному красноречию, стихию которого бывший семинарист очень хорошо чувствовал» [Хазагеров 2002: 195].

Бесспорным является тот факт, что к началу войны Сталин уже обладал повсеместным почитанием народа и неограниченной властью. Единственное, чего он боялся, – раскол страны. Это могло повлечь за собой и поражение в войне, и крах его империи. По этой причине сплотить народы СССР, поднять их освободительный дух и вдохновить людей на победу – стало задачей номер один. На ее решение был направлен не только огромный талант политика, но и его несомненное ораторское мастерство. Необходимого эффекта удалось добиться, в том числе, и благодаря использованию речевых средств реализации семантической категории чуждости. Так, в тексте «Выступления по радио 3 июля 1941 года» притяжательные местоимения *свой* и *наш* используются порядка 70-ти раз: «*Над нашей Родиной нависла серьезная опасность*» [Сталин 1997: 56]; «*Народы Советского Союза должны подняться на защиту своих прав, своей земли против врага*» [Сталин 1997: 59]; «*Все наши силы – на поддержку нашей героической Красной Армии, нашего славного Красного Флота! <...> Вперед, за нашу победу!*» [Сталин 1997: 61].

Отметим еще и то, что в своих обращениях Сталин всегда выделял определенные категории людей, используя при этом социальную терминологию: «*Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, командиры и политработники, рабочие и работницы, колхозники и колхозницы, работники интеллигентского труда, братья и сестры в тылу нашего врага, временно попавшие под иго немецких разбойников, наши славные партизаны и партизанки, разрушающие тылы немецких захватчиков!*» («Речь на Красной площади 7 ноября 1941 года») [Сталин 1997: 84]. Именно этими категориями мыслило тогда все советское общество.

Будь то рабочий, колхозник, интеллигент, красноармеец, партизан, – каждый в таком детализированном обращении находил слова, направленные конкретно к нему. При этом, глава государства обращался

к простым людям не только как к соотечественникам или подчиненным, но и как к членам своей семьи.

Отдельного внимания в речах и выступлениях политика заслуживает, на наш взгляд, тема величия народа, Отечества, одним из средств выражения которой является лексема «великий». Ее впервые в военной риторике Сталина мы можем увидеть в «Приказе Верховного Главнокомандующего 23 февраля 1943 года № 95». Как известно, это было время первых крупных побед Красной Армии. Тогда Сталин первый раз воскликнул *«Да здравствует наша Великая Родина!»* [Сталин 1997: 148]. В этом виде лозунг мы встретим и в «Докладе на торжественном

заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями города Москвы 6 ноября 1943 года» [Сталин 1997: 174], и в «Приказе Верховного Главнокомандующего 7 ноября 1943 года № 309» [Сталин 1997: 178], и в «Приказе Верховного Главнокомандующего 23 февраля 1944 года № 16» [Сталин 1997: 184]. Так, в последнем из названных текстов, кроме лозунга *«Да здравствует наша великая Советская Родина!»* [Сталин 1997: 184], Сталин несколько раз использует словосочетания с эпитетом *великий*: *великая победа, великие победы, великая освободительная война* [Сталин 1997: 180–184]. *«Да здравствует великий советский народ!»* [Сталин 1997: 188] – так Сталин первый раз обратится к своим согражданам в «Приказе Верховного Главнокомандующего 1 мая 1944 года № 70». Спустя ровно год, а именно в «Приказе Верховного Главнокомандующего 1 мая 1945 года № 20», эти слова трансформируются в лозунг *«Да здравствует великий советский народ, народ-победитель!»* [Сталин 1997: 220]. В этом коротком обращении – и радость свершившегося события, и благодарность героям за совершенный подвиг, и желание вдохновить людей на дальнейшее служение общей цели.

Таким образом, на основании проведенного нами анализа основных, наиболее показательных языковых особенностей политического дискурса Иосифа Сталина, мы делаем вывод о том, что, помимо яркой образности, речи вождя обладали еще и невероятной силой манипулирования людьми. Этого эффекта удастся достигать благодаря использованию определенных лексических средств, в том числе и посредством реализации семантической категории чуждости.

Завершить свое исследование хочется словами израильского филолога, автора книги «Писатель Сталин» Михаила Вайскопфа, которые во многом перекликаются со всеми изложенными здесь тезисами и лишней раз доказывают нам то, насколько сложной и противоречивой была языковая личность великого вождя: «Несмотря на скудность и тавтологичность, слог Сталина наделен великолепной маневренностью и гибкостью, многократно повышающей значение каждого слова. По семантической насыщенности этот минималистский жаргон приближается к поэтическим текстам, хотя сфера его действия убийственно прозаична. Очевидно, что это были те самые слова, <...> которые опознавались сталинской аудиторией как глубоко родственные ей сигналы, как знаки ее внутренней сопричастности автору» [Вайскопф 2002: 7–8].

Библиографический список

Балакай А.Г. Словарь русского речевого этикета: 2-е изд., испр. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС, 2001. 672 с.

Вайскопф М. Писатель Сталин. М.: АСТ-Пресс, 2002. 384 с.

Кишина Е.В. Смысловая модель категории «своё – чужое» на уровне политического дискурса // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2009. № 1(5). С. 47–52.

Лобанов М.В. Сталин: в воспоминаниях современников и документах эпохи. М.: Эксмо: Алгоритм, 2002. 672 с.

Михальская А.К. Русский Сократ: Лекции по сравнительно-исторической риторике. М.: Издательский центр «Academia», 1996. 192 с.

Романенко А.П. Образ ратора в советской словесной культуре: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2018. 428 с.

Сталин И.В. Полное собрание сочинений в 18 томах. Т. 15. М.: Издательство «Писатель», 1997. 224 с.

Хазагеров Г.Г. Политическая риторика. М.: Никколо-Медиа, 2002. 313 с.